

МЕЖДУ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЕЙ: ОПТИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Сергей Старцев

Сергей Старцев, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. sstartsev@hse.ru.

Автор выражает благодарность Елене Рождественской, коллегам, принимавшим участие в семинаре проектной группы «Опыт локальных конфликтов», а также Михаилу Мальцеву (НИУ ВШЭ), Алексею Рыжкову (НИУ ВШЭ) и Марье Воробьевой (Левенский католический университет) за полезные комментарии и идеи по совершенствованию данного обзора. Автор отдельно благодарит рецензентов и редакторов журнала, давших ценные замечания к тексту. Статья основана на результатах работы проектной группы «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность» при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ (2023–2024 гг.).

В статье рассматриваются фактические и теоретические различия между рядовыми солдатами и военным истеблишментом, а также критически описываются подходы, применяющиеся в анализе военных групп и институтов. Демонстрируется, что теоретическая рамка профессиональных групп изучения военных институтов не охватывает ряд важных элементов военной действительности – рядовых военнослужащих и младшего офицерского звена. Утверждается, что военное занятие и профессия военнослужащего – непересекающиеся множества. Предлагается рассматривать ресурс идентитарной социологии как обладающей достаточным аналитическим потенциалом для концептуализации рядовых солдат и военнослужащих младшего командного состава. Далее приводится ряд аргументов, заимствованных у Роджерса Брубейкера, демонстрирующих, что использование понятий идентитарной социологии является, в сущности, контрпродуктивным, так как несистемное и приватное употребление идеи «идентичности» лишь осложняет понимание того, в чем состоят различия и сходства рядовых солдат и военного истеблишмента. В заключении приводятся некоторые исследования, рассматривающие такие различия и общие свойства, позволяющие обозначить ключевое в «военной идентификации» и тем самым градуировать и нюансировать военного и как профессионала, и как особый способ (само)идентификации.

Ключевые слова: исследования войны и мира; военная идентичность; идентитарная социология; исследования армии и общества

КАК НАЙТИ НАСИЛИЕ И ЕГО СЛЕДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ?

В 1932 году Альберт Эйнштейн, находясь в Потсдаме, пишет Зигмунду Фрейду письмо, в котором задает принципиальный для Европы 1930-х годов вопрос: «Как возможно избавить людей от тягостей войн, положив последним конец?». Этот эпистолярный обмен мнениями много позднее будет издан под заголовком «Почему война?» (Freud 1963). В ответном письме Фрейд спрашивает собеседника: почему вообще войны должны когда-либо прекратиться? Насилие, являющееся базовым, фундаментальным механизмом любой войны, – неотъемлемое качество человека.

Ключевым в этой переписке является акцент на насилии, фундирующем любые войны. Последнее, однако, не предельная категория, проявляющаяся только в военных конфликтах. В организованной форме насилие может наблюдаться в вооруженных силах и в мирное время. Иерархия, идеология и повседневные практики нацелены на формирование у военнослужащих способностей к эффективному отправлению насилия, ведь те армии, что не могут заставить своих военнослужащих выполнять приказы, распадаются (Malešević 2017).

Однако особенность такого военного насилия состоит в том, что оно не ограничивается только вооруженными силами; оно не прекращает свое действие с того момента, как военнослужащие, будучи операторами насилия, покидают границы военных институтов (MacLeish 2020). Напротив, следы насилия наблюдаются также у тех, кто уже не связан с военными институтами: у ветеранов, возвращающихся к мирной жизни, они проявляются в форме посттравматического стрессового расстройства (Dursa et al. 2014), домашнего насилия (Newby et al. 2005) и финансовой нестабильности (Brown 2013). Военнослужащие, проходившие срочную службу, также несут на себе отпечаток военизированного насилия, трансформируясь в убеждениях, моделях поведения и системах различения (Dumančić 2022). Они не только абсорбируют «военное мышление», становясь дисциплинированнее, но также менее терпимыми, более агрессивными и радикальными в своих социальных, политических и культурных формах поведения. Такие мужчины и женщины делаются более склонными к разнообразным формам насилия, в том числе в виде преступной деятельности (Ertola Navajas et al. 2022; Jones et al. 2020).

В контексте усложнения организационных форм военных институтов, способов ведения войн и их качественной трансформации (Калдор [2012] 2015) встает закономерный вопрос: как исследователи должны подходить к вопросу изучения военных институтов, военнослужащих, ветеранов и демобилизованных? Существует две оптики, лежащие в основе организации таких исследований. Первая использует ресурсы социологии профессий и рассматривает военнослужащих и военные институты как устоявшиеся социальные корпорации, обладающие, однако, собственной спецификой, хотя и стоящие в одном ряду с гражданскими профес-

сиями. Вторая точка зрения опирается на теоретический ресурс «идентификации»¹. В чем же состоит напряжение между этими подходами?

Социология профессий проблематизирует крайне узкое понимание военных институтов, связанное с трансформацией отношений военных институтов и гражданского общества, игрой сдержек и противовесов, балансом автономии и монополии вооруженных сил и военных организаций (Libel 2019). В конце концов, исследовательский мейнстрим обсуждаемой дисциплины сводится к тому, что военные организации имеют двойственную природу, являясь одновременно и профессионалами, и бюрократией. Как профессионалы они сосредоточены на развитии экспертных знаний у своих членов и поощрении их применения в новых ситуациях, а как бюрократы – концентрируются на внедрении опыта в рутинные и организационные процессы (Snider and Watkins 2002).

Таким образом, исследователи вооруженных сил часто используют идею профессии и профессионализации для анализа категорий военнослужащих, например, среднего и высшего офицерского состава, военного истеблишмента, а также отношений между обществом и армией в целом (Harries-Jenkins 1990; Huntington 1981; Kamrava 2000; Libel 2013, 2016; Libel and Gal 2015). Такой подход неизбежно игнорирует ключевую характеристику военных институтов – их управление насилием. Такая контагиозность насилия, длина и глубина его следов теряется в том случае, если вооруженные силы рассматриваются как одна из профессиональных корпораций в ряду других – врачей, юристов и проч. Это, кроме того, выводит из исследовательского фокуса рядовых военнослужащих, унтер-офицеров, ветеранов и их семьи. Отсюда возникают две важные области, не затронутые исследователями военных профессий: конституирующий элемент «военного», то есть насилие, и рядовые военнослужащие. Наиболее проблемной становится точка пересечения этих сфер: как необходимое военное насилие проявляется в тех, кто имеет или когда-либо имел к нему отношение? На этот вопрос организационная оптика также не может дать внятного ответа.

Прежде чем более подробно рассмотреть идентификацию как один из возможных ответов на кризис социологии профессий в части рассмотрения военных организаций (Libel 2019), следует более детально остановиться на том, что последняя предлагает. Таким образом, данный обзор состоит из двух основных блоков: во-первых, теоретическая реконструкция аналитической рамки социологии профессий и ее недостатков при изучении военных институтов и, во-вторых, описание преимуществ использования рамки «идентификации» для фиксации более широких и тонких механизмов влияния военных организаций на вовлеченных в них.

¹ В российской академической традиции более конвенциональным является термин «идентичность», однако целесообразность использования «идентификации» будет объяснена далее в тексте статьи.

ВКЛАД СОЦИОЛОГИИ ПРОФЕССИЙ В ИЗУЧЕНИЕ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

В качестве иллюстрирующих примеров оптики социологии профессий будут кратко описаны модели объяснения, характерные для атрибутивного, критического и неовеберовского подходов в социологии профессий. Такой выбор обусловлен тем, что именно эти идеи являются сегодня доминирующими в исследованиях вооруженных сил как профессиональной группы (Nuciarì 2018). Эволюция подхода к рассмотрению профессий и профессионализации позволяет более фактурно сопоставить состояние исследовательской области с тенденциями в изучении военных профессий.

На ранних этапах развития для демаркации профессионалов как особых групп социология профессий прибегала к атрибутивному подходу, то есть описанию профессий через возвышающие профессионалов характеристики. Чикагский исследователь профессий Абрахам Флекснер в работе «Является ли социальная работа профессией?» (Flexner [1915] 2001) предлагает критерии, по которым профессию можно выделить среди других форм человеческой практики:

- профессиональная деятельность является преимущественно интеллектуальным занятием;
- профессиональная деятельность всегда базируется на накопленном объеме унифицированных знаний;
- профессионалы используют свои теоретические знания на практике; профессия передается и воспроизводится благодаря обучению;
- профессии имеют жесткую внутреннюю институциональную структуру;
- существование профессий мотивировано альтруизмом и легитимируется исходя из того, что деятельность профессионалов нацелена на общественное благо, то есть на непрофессионалов.

Между тем сам Флекснер отмечал, что такой подход к анализу профессий слишком механистичен и не признает множество профессиональных видов деятельности: аптекари, сантехники, социальные работники и проч. Именно поэтому шестым, ключевым, критерием он выделяет наличие профессионального духа – стремление выполнять профессиональные функции «честно» и «бескорыстно».

Говард Беккер, рассматривая работу Флекснера, указывал на то, что к середине XX века исследователи профессий хоть и предлагали различные уточнения и альтернативы определению Флекснера, однако не привнесли радикально нового понимания профессии. Социологи все еще делали акцент на специфических навыках и знаниях, которыми обладают профессионалы; важности их получения в ходе институционализированного обучения; этическом кодексе профессии; важности профессиональной деятельности для благосостояния общества (Becker 2017). Беккер утверждает, что безуспешность предпринимаемых исследователями попыток реактуализировать определение Флекснера связана с тем, что в само определение «профессии», помимо аналитического значения, заложен еще и моральный компонент: в исследованиях и ряде бытовых высказываний, где «профессия» также используется, признается, что, например, сантехническая профессия не достигла того морального уровня, которого смогли достичь врачи или

адвокаты. Создание единой дефиниции, учитывавшей бы как исследовательское понимание профессии, так и обыденное, по мнению Беккера, невозможно, так как последнее меняется под воздействием, которое профессиональные группы оказывают на общество с целью повысить моральный авторитет собственного дела; в свою очередь, исследовательская оптика не успевает за такими изменениями социального мира (Becker 2017:91). Иными словами, при определении профессиональных критериев и в процессе отнесения различных практик к профессиональным или непрофессиональным исследователю неизбежно будет сталкиваться с ситуацией дискриминации той или иной группы (Coogan 1955).

В связи с этим Беккер предлагает рассматривать профессии не с помощью формальных критериев, а применять «радикально социологический взгляд»: исследовать профессиональные группы, как те, что «принято считать профессиями, и те – которые таковыми не считаются, [и далее] сравнивать идеальные общественные представления и реальное отношение общества к конкретным профессиональным группам» (Becker 2017:92). Так, например, Беккер утверждает, что в общественном понимании профессия – это занятие, обладающее специфической монополией на некий «эзотерический» и сложный набор знаний. Также эти занятия являются необходимыми для дальнейшего функционирования общества – именно поэтому медицина предстает наиболее показательной профессиональной деятельностью. Кроме того, важным атрибутом профессии оказывается объем научных и аналитических знаний, применяемых на практике. Из такой характеристики вытекает и аспект рекрутинга: только способные люди могут овладеть теоретическими знаниями и практическими навыками (100). Последние приобретаются в ходе длительного и сертифицированного обучения, а непосредственный вход в профессию должен контролироваться самими представителями профессии с помощью экзаменов и тестов. Важным качеством профессионалов является этический кодекс и, в частности, альтруизм, ориентированные на то, чтобы обезопасить общество от деструктивной эксплуатации знаний и практик профессионалами. Это описание, по мнению Беккера, представляет стандарт, с которым люди сравнивают профессии «в реальности». Сам он указывает, что «идеальный символ» и реальность часто расходятся друг с другом даже в части таких высокопрофессионализированных занятий, как медицина и юриспруденция.

Тем не менее описанный Беккером критический подход к атрибутивному рассмотрению профессий на сегодняшний день не является господствующим. В мейнстриме вместо этого находится неовеберианская логика анализа профессий. Этот подход основан на концепции «социального закрытия» Макса Вебера – процесса, при помощи которого группа стремится увеличить свои преимущества за счет монополии на ресурсы, а также через ограничение рекрутирования и доступа в группу посторонним в обществе, где есть конкуренция за власть и другие блага (Saks 2016). Целью неовеберианского подхода является ответ на следующий вопрос: насколько и каким образом профессиональные группы служат интересам потребителей и широкой общественности, в том числе путем расширения возможностей полноправного участия непрофессионалов в жизни общества (Tonkens 2016)? Для неовеберианцев такая оптика основана на рыночных отно-

шениях; если говорить точнее, они «анализируют процесс, в результате которого некоторым занятиям, несмотря на конкуренцию, удалось отрегулировать рыночные условия в свою пользу и закрепить за собой статус профессий» (Сакс 2020:32). Характерным примером такого подхода можно назвать врачебную профессию, реализующую социальное закрытие с помощью инструмента государственных сертификаций, которые, в свою очередь, обеспечивают преимущество самой профессии за счет ссылки на административный авторитет государства.

КРИТИКА ТРАДИЦИОННЫХ ПОДХОДОВ СОЦИОЛОГИИ ПРОФЕССИЙ К ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Атрибутивные и неовеберианские принципы рассмотрения профессий как института в большинстве своем нечувствительны к некоторым существующим профессиям, так как последние с трудом могут быть идентифицированы в качестве профессиональных занятий (Сакс 2020). Сложность применения атрибутивного подхода к изучению военнослужащих сопряжена с важным аспектом существования профессиональной группы – ее стойкой общественной легитимностью. Трудная задача профессий должна быть «моральной и похвальной», а статус «профессии» должен предоставляться только тем профессиям, которые безоговорочно работают на благо общества в областях, необходимых для здоровья и безопасности всех членов этого общества. В случае с военными специальностями такая однозначная моральная оценка – в отличие от, например, врачей – представляется проблематичной: занимающиеся изучением профессий исследователи подчеркивают, что военная профессия часто не соотносится ни с идеальными концептуальными разработками социологов, ни с моральными и этическими оценками самого общества (Downes 1985)².

Сугубо рыночные механизмы, описанные в неовеберианском подходе к изучению профессиональных групп, в случае изучения военных организаций действуют только в отношении государства как «заказчика» такой профессии и, например, частных военных компаний. Однако в современных военных конфликтах участвуют также солдаты срочной службы и резервисты – к примеру, во время боевого развертывания вооруженных сил США в Ираке, а также в контртеррористических операциях, проводимых Израилем силами ЦАХАЛ. Во всех этих случаях рыночные механизмы конкуренции, максимизации прибыли и проч. либо выражены слабо, либо вовсе перестают действовать. Кроме того, как отмечают сами сторонники неовеберианского подхода, они сфокусировались на небольшой группе профессий, которым удалось и полностью осуществить социальное закрытие, реализовав свою автономию, и игнорировать другие профессиональные группы (Saks 2015).

² Следует также акцентировать внимание на систематическом падении уровня доверия вооруженным силам в тех странах, где их поддержка традиционно находится на высоком уровне. Подробную динамику см.: “Public Confidence Levels in the United States Military from 1975 to 2022,” Statista, дата обращения: 2 мая 2024 г., <https://www.statista.com/statistics/239149/confidence-in-the-us-armed-forces>.

Предложенная неовеберийскими исследователями интерпретация внутренней профессиональной дифференциации – статусное, экономическое и социальное различие членов профессиональной группы – также неэффективно перекладывается на изучение военнослужащих. Сторонники неовеберийского подхода объясняют внутреннюю дифференциацию профессией – врачей/медсестер, профессуры/учителей и проч. – с помощью концепции «двойного закрытия» (Parkin 2019). Майк Сакс следующим образом описывает ключевую идею двойного социального закрытия:

С одной стороны, это профессии, которые претерпевают профессиональное исключительное закрытие со стороны вышестоящих по рангу профессий. С другой стороны, они используют «узурпаторское закрытие», основанное на оборонительных профсоюзных стратегиях, типичных для рабочего класса. Термин «узурпаторское закрытие» исходит из нелегитимизированного характера этих действий: работники, занимающие низшие позиции в обществе, используют забастовки, ограничения при приеме на работу (closed shop activities) и другие механизмы, нацеленные на отвоевывание привилегий профессионалов, которые последние получили за счет узаконенного социального закрытия (2020:34).

Однако это описание радикальным образом неприменимо для объяснения отношений между рядовыми военнослужащими и офицерами: у рядовых солдат часто нет возможности артикулировать свои интересы и запросы в организованных формах с помощью профессиональных союзов, а в силу того, что военная служба является обязательной для большинства стран, говорить о каких-либо механизмах внешнего закрытия не представляется возможным.

Обнаруживается, однако, еще несколько существенных позиций, не позволяющих использовать классическую оптику социологии профессии для рассмотрения военных. Важный исследователь войн и сторонник использования атрибутивных критериев для изучения военного профессионализма, Самюэль Хантингтон в книге «Солдат и государство» в значительной мере обращается к классическому пониманию профессии для описания специфики измерения профессионального в военной сфере: «Особая сфера военной компетенции, возможно, лучше всего выражена фразой “управление насилием”. Функция военной силы – это успешное вооруженное сражение. В обязанности военного офицера входит 1) организация, оснащение и подготовка этих сил; 2) планирование их деятельности» (Huntington 1981:11). Однако идея особой сферы компетенций («управление насилием»), по мнению некоторых критиков, не в полной мере отражает специфику военных профессий. В категорию операторов насилия по очевидным причинам не включаются рядовые солдаты, находящиеся внизу иерархической пирамиды и не имеющие возможностей вовлекаться в процесс «организации и планирования насилия». Кроме того, ряд исследователей – например, Зэб Брэдфорд и Джеймс Мерфи (Bradford and Murphy 1990) – отмечают, что существует множество невоенных практик, в которые все активнее начинают вовлекаться военнослужащие: строительство гражданской инфраструктуры, устранение последствий стихийных бед-

ствий, участие в проектах по сохранению национальных ресурсов, а также в поллярных и космических проектах.

Проблематичным является не только определение совокупности теорий и навыков, на которые военная профессия имеет монополию; затруднительно также очертить круг субъектов, имеющих право на профессиональное членство. Хантингтон отмечает, что нормативно военными профессионалами могут называться исключительно офицеры. Он аргументирует свою точку зрения, указывая на то, что именно управление насилием отделяет профессионального военного офицера от других специалистов в военной группе, например, инженеров, врачей, пилотов, экспертов по боеприпасам, экспертов по персоналу, разведке или связи – их «навыки [. . .] могут быть необходимы для достижения целей военной силы. Но в основном это вспомогательные профессии, имеющие такое же отношение к опыту офицера, как навыки медсестры, химика, лаборанта, диетолога, фармацевта и рентгенолога к опыту врача» (Huntington 1957:3). Такая позиция, однако, исключает из рассмотрения множество периферийных активностей, тем не менее тесно связанных с военной деятельностью. Например, специалисты по обезвреживанию боеприпасов, военные врачи или служащие авиационного обеспечения напрямую не вовлечены в «управление насилием», однако, как мы покажем ниже, бесспорно обладают военной самоидентификацией.

Применительно к формальному обучению и профессиональным навыкам, которыми, по мнению социологов, должны обладать представители профессиональных групп, важно уточнить, что нередко в вооруженные силы рекрутируются плохо обученные непрофессионалы, ранее не имевшие никакого опыта взаимодействия с институтами вооруженных сил. Использование таких непрофессионалов – добровольцев и призывников – сводит на нет концепцию профессионального мастерства, для овладения которым требуется длительное и интенсивное теоретическое и практическое обучение; все это еще больше отдаляет офицеров и рядовых военнослужащих. Подобная интерпретация военной профессии приводит к тому, что последняя как институт может существовать только в мирное время – такое эпизодическое и проницаемое описание военных как профессии кардинально отличается от магистральных социологических концепций профессии.

Дискуссионным также является критерий автономности и закрытия профессий от государственного и общественного влияния. Филип Абрамс отмечает: «Если профессии появляются, они также могут исчезать. Размывание профессии сопровождается потерей монополии на знания, относящиеся к выполнению конкретной услуги; растущей путаницей в отношении характера услуг, которые, как ожидается, будет выполнять профессиональная группа, или социальной девальвацией всех услуг, которые она может выполнять; растущим разногласием среди членов группы относительно нормативных последствий членства» (Abrams 1965:240). Кэtti Доунс уже в 1985 году отметила, используя аргумент Абрамса о разнонаправленном процессе формирования/деформирования профессии, что профессия военного в американском обществе находится в упадке и переживает этап борьбы за авторитет и легитимность в глазах общества. В частности, она указывает на три ключевые тенденции, характерные для профессионализации американ-

ских военных в части отношений с государством. Во-первых, ссылаясь на исследование Роберта Гинзбурга и Самюэля Хантингтона, Доунс отмечает активное вторжение гражданских бюрократов, технократов, стратегов и ученых в области, ранее считавшиеся прерогативой военной профессии. Полномочия американских военных давать советы политическим лидерам на основе своего уникального опыта были подорваны гражданскими технологами и бюрократами. Гинзбург приводит следующий пример: «Ученый-ядерщик может сказать, что он знает о ядерной физике больше, чем военные, и что, в конце концов, у военного не было никакого реального опыта ведения ядерной войны, во время которой, в любом случае, нет особой необходимости в военной дискуссии» (Ginsburgh 1964:259). Хантингтон, в свою очередь, замечает, что авторами всех военных доктрин, созданных после Второй мировой войны, были непрофессионалы в сфере военных действий. Это вынуждает профессиональных военных расширять свою группу путем включения гражданских специалистов, лоббистов, политических администраторов и менеджеров. В их задачи уже не входит реализация военных задач – они более ориентированы на взаимодействие с представителями государственной власти и решение сугубо гражданских задач.

Во-вторых, Доунс указывает на важные геополитические события, изменившие существование военнотружущих как профессии. Если профессия критически важна для существования общества, ей, в соответствии с воспринимаемой полезностью, делается значительная общественная скидка. Безусловно, от каждого врача не ожидается спасение каждого пациента, однако удельно врачи должны улучшать качество жизни членов общества. Напротив, вооруженным силам требуется куда больше работы по поддержанию общественного доверия. Именно поэтому череда военных неудач США 1950–1980-х годов – поражение во Вьетнамской войне, политический тупик в Корее, неудачная попытка спасти американских заложников в Иране, дорогостоящее и безрезультатное развертывание вооруженных сил США в Ливане – еще больше способствовала разочарованию в полезности военной силы как инструмента национальной политики за рубежом (Downes 1985).

Третьей тенденцией, деструктивно влияющей на профессионализацию военного, является проникновение рыночных логик в этику военной службы. Светская меритократия, ориентация на карьеру и стремление к индивидуальному успеху стали вытеснять классические ценности коллективизма, жертвенности и патриотизма. Все это привело к огражданствлению вооруженных сил. Чарльз Москос иллюстрирует этот тезис примером дискуссий, разворачивавшихся вокруг отмены срочного призыва в США в 1973 году:

архитекторы нынешних, полностью добровольческих сил, выбрали профессиональную модель в качестве своей парадигмы [. . .]. Вместо военной системы, основанной на нормативных ценностях, выраженных в таких словах, как «долг», «честь» и «страна», политические власти утверждали, что основная опора при наборе вооруженных сил должна основываться на денежных стимулах, руководствуясь рыночными стандартами [. . .]. Такое переопределение военной службы основано на предположении, что вооруженные силы

лучше всего рассматривать как еще одну часть рынка труда. Организационные различия между военной службой и гражданскими профессиями при этом замалчиваются» (Moskos 1981:6).

Такая трансформация военной профессии неизбежно влечет за собой игнорирование ключевой ее особенности – необходимость идти на риск и высокую вероятность смерти (Vaucot 1985). Это также подрывает традиционную иерархию, лежащую в основе вооруженных сил: если офицерский корпус активно включен в процесс огражданствления, то предлагаемые аналитические схемы не работают для рядовых солдат, у которых как таковая профессиональная экспертиза вообще отсутствует.

В связи с описанными выше изменениями исследователями вооруженных сил и военными администраторами были предложены возможные пути решения возникшего кризиса профессионализации военных. Две ключевые траектории были предложены Самуэлем Хантингтоном и Моррисом Яновицем, утверждавшими, что внутреннее усиление автономии офицеров позволит восстановить высокий профессиональный статус военнослужащих. Офицерство – это профессия и как таковое обладает определенными характеристиками, которые способствовали бы эффективности и оперативности в вооруженных силах (Larson 1974). Таким образом, оба исследователя вновь возвращают проблему профессионализации на уровень среднего и высшего командного звена, оставляя открытым вопрос о профессионализации рядовых, резервистов, добровольцев, мобилизованных и ветеранов.

Современные исследователи также подчеркивают кризис профессионализации военнослужащих, занимая более радикальную позицию:

Этот термин [профессионализация] остается расплывчатым и многогранным выражением, которое многие военнослужащие США не знают, как использовать на практике. Например, ни в одной из трех американских академий военной службы, куда ежегодно проводится набор офицеров, нет последовательного или унифицированного определения военного профессионализма. Военнослужащие могут понимать, что они являются частью элитной организации, обладающей особыми навыками, но не осознавать детализации этого термина [профессии военного], из чего он состоит или, что наиболее важно, как помочь привить его молодым военным (Paterson 2019:145).

Последующий вывод Пэта Патерсона, одновременно являющийся попыткой определить границы профессионализма, подтверждает важную тенденцию. Рядовые-солдаты и унтер-офицеры исключаются из определения военных профессионалов, потому как ключевыми критериями профессионализма, которые выделяет Патерсон, являются: 1) формальное военное образование; 2) подчинение военнослужащих гражданским должностным лицам; 3) знание правил справедливой войны и основополагающих прав человека; 4) наличие программы военной этики; 5) следование формализованной военной этике (Paterson 2019). Кроме того, даже само военное командование вооруженных сил США на вопрос «что значит быть военным солдатом?», отвечает, что «пока не знает ответа на этот вопрос» (US Army TRADOC 2010).

Так или иначе, современное состояние исследований вооруженных сил значительно отстает от мейнстрима, установившегося в рассмотрении других профессий. Приведенные выше аргументы подтверждают низкую эффективность аналитического инструментария социологии профессий для изучения обсуждаемой профессиональной группы. По этой причине основные усилия исследователей вооруженных сил с конца XX века были направлены на поиск оснований нового профессионализма и выходов из назревшего кризиса института вооруженных сил (Libel 2019). В этой связи актуальным все еще остается следующий вопрос: как и с какой точки зрения мы можем изучать солдат срочной службы, не являющихся ни частью политического проекта по «отвоевыванию» профессиональных прав, ни профессионалами вообще? В следующем разделе будут предложены возможные ответы на эти вопросы.

ВОЗМОЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКИ ПРИ АНАЛИЗЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ИДЕНТИТАРНЫЕ И КОНТРИДЕНТИТАРНЫЕ ПОЗИЦИИ

Как было продемонстрировано выше, офицеры и военный истеблишмент на сегодняшний день являются основным объектом социологического анализа. Карл Халтинер и Герхард Кюммель резюмируют существующую в социальных науках тенденцию в области изучения военных профессиональных групп следующим образом:

В целом уделение внимания солдату, то есть микро- или индивидуальному уровню солдатского субъекта, – это то, что, по сравнению с анализом вооруженных сил и их полезности и эффективности как инструмента внешней политики государства, политики безопасности и обороны, делается довольно редко. Тем не менее описанная ситуация вызывает удивление, поскольку это пренебрежение, даже если оно не является полным, совершенно неоправданно, потому что, в конце концов, как говорит нам организационная социология, любой институт состоит из людей (Haitiner and Kümmel 2009:76).

Вместо акцента на изучении профессиональных контуров военнослужащих и использовании оптики социологии профессий мы предлагаем иной фокус зрения, позволяющий включить в предмет социологических исследований рядовых военнослужащих. Он может строиться на основе концепта идентичности как альтернативы профессионализму. Идентичность позволяет расширить пространство анализа от отношений профессионал – клиент, механизмов входа в профессию, этоса, а также технических и когнитивных компетенций и иных характерных для социологии профессий тем до широкого набора темпоральных, телесных, когнитивных, культурных и социальных индикаторов, воплощающихся в военной идентичности (Cerulo 1997). Кроме того, идея идентичности может способствовать более выпуклому подчеркиванию континуальности исследуемого объекта. Текучесть, которая отчасти эссенциалистски заложена в идее идентичности, позволяет продемонстрировать то, как военнослужащие после формальной демобилизации сочетают требо-

вания гражданской жизни и свои военные идентичности, каким образом идентичности *солдата* перетекают в идентичности *ветерана*, как последние манифестируются и проявляются, критикуются и оправдываются.

Однако такое расширение объектной части анализа осуществляется не за счет аналитического потенциала идентитарной социологии самой по себе, а за счет размытия и беспредельного расширения самой идеи идентичности. Наиболее детально критика идентитарной социологии, концентрирующаяся вокруг отсутствия у «идентичности» точной и однозначной традиции употребления, представлена в работе Роджерса Брубейкера и Фредерика Купера ([2000] 2002). Они описывают критическое состояние исследовательского потенциала категории идентичности следующим образом: «Социальный анализ, включая анализ политики идентичности, предполагает использование сравнительно однозначных категорий. Какова бы ни была многозначность и незаменимость категории “идентичности” в определенных практических контекстах, “идентичность” все же остается понятием слишком неопределенным, разрываемым между “сильным” и “слабым” значениями, эссенциалистскими коннотациями и конструктивистскими определениями, чтобы отвечать потребностям социального анализа» (Брубейкер и Купер ([2000] 2002:63).

Что в таком случае может быть использовано в качестве модели объяснения вместо «идентичности»? Брубейкер и Купер предлагают «общность», «связанность» и «групповую принадлежность» как аналог репертуару коллективной идентитарной социологии. Авторы развивают идею Чарльза Тилли о коллективном действии:

категориальное сходство и связанность взаимоотношений требуют присутствия третьего элемента – того, что Макс Вебер называл *Zusammengehörigkeitsgefühl*, то есть чувства коллективной принадлежности. Это чувство может отчасти зависеть от степени и форм общности и связанности, но оно также зависит от других факторов, таких как определенные события и их кодировка в господствующих нарративах, преобладающих дискурсивных форматах и т. д. [. . .] Сильно развитое чувство групповой принадлежности может основываться на *категориальной общности* и на соответствующем чувстве принадлежности при минимальной или вообще отсутствующей сети взаимоотношений (Брубейкер и Купер [2000] 2002:91; курсив добавлен).

Под категориальным сходством или атрибутом Брубейкер и Купер в цитируемом исследовании понимают некоторые «сильные» свойства: раса, нация, язык, религия и проч. Однако, на наш взгляд, категориальным атрибутом может считаться также специфическая «идентификация» – еще одна альтернатива «идентичности», предлагаемая цитируемыми авторами. Идентификация – процесс, осуществляемый в том числе властными или государственными институциями, в число которых входит и армия. Групповая принадлежность, формирующаяся из таких множественных и синхронных идентификаций, – которые, в свою очередь, конструируются посредством обучения определенным практическим и когнитивным навыкам, установления доминирующего нарратива, монополизации систем клас-

сификации и категоризации, – помогает осмыслить место рядового солдата, и, что не менее важно, темпоральное, множественное и конфликтное измерение того, как солдат становится солдатом. Брубейкер и Купер, вновь ссылаясь на Тилли, указывают, что «категоризация выполняет важную “организационную работу” в любых социальных условиях, включая семью, фирмы, школы, социальные движения и любой бюрократический аппарат», и, продолжая с акцентом на процессуальности идентификации в сравнении со статичной и застывшей идентичностью, утверждают, что «наши возражения относятся к переходу от разбора идентификации – усилия по созданию коллективного самоопределения – к представлению “идентичности” в качестве запрограммированного конечного результата. Изучая властные институционализированные и альтернативные способы идентификации, являющиеся феноменами ежедневной практики и входящие в проекты социальных движений, следует подчеркивать тяжелую и долгую борьбу за идентификацию»³ (Брубейкер и Купер [2000] 2002:87–88).

Представленные ниже исследования, которые мы используем в качестве иллюстрации способов расширения исследовательской оптики, не унифицированы в части теоретического языка: в работах в своих разрозненных значениях встречаются «идентичность», «социализация» и ряд других эластичных терминов. Однако мы исходим в данном случае из эвристической позиции демонстрации различных исследовательских техник и приемов, позволяющих оценить текущий и доступный потенциал исследований военных институтов, а не концентрироваться на критическом разборе исследовательского тезауруса. В конце концов, упомянутые выше авторы идейно близки и акцентируют внимание на смежных сторонах изучаемого объекта.

ВЫХОДЯ ЗА ГРАНИЦЫ ПРОФЕССИЙ

На сегодняшний день существуют работы, акцентирующие внимание на различных аспектах военной социализации: жизнь комбатантов как демилитаризированных субъектов (Marínigira 2015); телесная социализация солдат в ходе прохождения военной подготовки (Samimian-Darash 2013); особенности телесной и когнитивной организации солдат, прошедших военную подготовку (Woodward 2000); отличительные социальные компетенции военнослужащих (Woodward and Jenkins 2011).

Эти немногочисленные исследования освещают разнообразные аспекты социализации рядовых солдат, однако существенным аналитическим пробелом является слабая артикуляция институциональных различий между рядовыми солдатами и унтер-офицерами – с одной стороны и среднего и высшего офицерского состава – с другой. Далее мы попытаемся суммировать результаты проведенных исследований рядового армейского персонала с целью сформулировать аналити-

³ «Изучение “идентификаций”, возникающих, кристаллизующихся и исчезающих в определенных социальных и политических ситуациях, может дать совершенно другую историю, чем та, что создается “идентичностью”, связывающей прошлое, настоящее и будущее в одном слове» (Брубейкер и Купер [2000] 2002:107–108).

ческую рамку для более организованного подхода к процессу их исследования. Эта оптика фокусируется на социализации – формировании у солдат определенной военной идентификации, включающей в себя специфические телесные, когнитивные, социальные и культурные конфигурации, которые определенным образом отличают военнослужащих от политически и профессионально более встроженных офицеров.

На первых этапах рассмотрения офицеров и рядовых военнослужащих следует занять прима-позицию, то есть обозначить свойства, которые бы в равной мере описывали две эти категории. Одно из них – подверженность высокому риску трансгрессии⁴. Ранения и гибель солдат являются «нормальными» событиями (Ben-Ari 2022; Janowitz [1965] 2017). Кроме того, в вооруженных силах «нормальной» смертью считается не только гибель или ранение в результате боевых действий, но также и в бытовых ситуациях – вследствие автокатастрофы или несчастного случая (Bartone and Ender 1994). Вооруженные силы не только имеют легитимное право на применение организованного насилия, но и обладают легитимным правом на управление смертью⁵ военнослужащих. Такое понимание смерти тесно связано с тем, что Питер Бергер назвал «хорошей смертью». Последнее предполагает умирание «при постоянном сохранении значимых отношений с номосом своего общества – субъективно значимых для умершего и объективно значимых в умах других» (Berger 1990:56). Эяль Бен-Ари дополняет концептуальную идею Бергера тем, что указывает на важность бюрократической организации смерти с помощью специальных административных служб, ритуалов, коммеморативных мероприятий и проч. Последние должны сопровождаться глубокой верой в «хорошую» военную смерть, чтобы обеспечить качественное психическое здоровье, высокую степень солидарности подразделения и боевые качества военнослужащих, а также поддерживать легитимность вооруженных сил в глазах политиков и гражданских лиц (Ben-Ari 2005).

Управляемое насилие, судя по всему, может считаться наиболее важным и основополагающим организатором всей военной идентификации. Один из участников проекта *The American Soldier*, Робин М. Уильямс, в ходе анализа американских комбатантов на Западном фронте во время Второй мировой войны демонстрирует важный для актуального исследования вывод: военное насилие связывается не только с фигурой противника, но и с соблюдением авторитетных норм в рамках сплоченной социальной организации (Williams 1989). Схожие идеи озвучивались и другими исследователями: «Дисциплине подчинена даже аффективная сторона жизни человека, так как поступление на военную службу – это вхождение в относительно закрытую и монолитную социальную систему» (Arkin and Dobrofsky 1978:152).

Агрессия и насилие являются, по оценкам самих военнослужащих, важнейшей составляющей их идентификации; то, что делает ее военизированной. Рэйчел

⁴ Этот риск характерен для всех военнослужащих, однако, спускаясь по военной иерархии вниз, нетрудно заметить, что младший по рангу военнослужащий более подвержен такому риску.

⁵ Бен-Ари называет это «организационной обработкой смерти».

Вудвард и Нил Дженкинс на материалах интервью с военнослужащими Вооруженных сил Великобритании отмечают, что применение силы – в том числе вооруженной – определяет военную личность как таковую⁶. Собеседники Вудвард и Дженкинса конкретизируют эту идею, рассказывая о конструировании и выражении своей военной идентификации со ссылкой на особенности их профессиональных навыков. Для некоторых эти навыки были четко идентифицированы как военные задачи: точность в стрельбе, навыки наблюдения, применение технических знаний при патрулировании враждебных городских районов и, что не менее важно, выполнение сугубо технических задач вроде ремонта техники в полевых условиях (Woodward and Jenkings 2011).

Формирование подобной идентификации происходит в ходе специализированной подготовки. Для Вудвард (2000) военная подготовка – это приобретение и развитие совокупности физических и умственных качеств, необходимых для выполнения задач в ходе войны. Солдатами не рождаются – солдаты «создаются» в процессе обучения военными институтами. Кроме того, военная идентификация, привитая за несколько лет срочной службы, не исчезает бесследно после возвращения в условия гражданской жизни. Военные навыки и стили мышления, системы моральных, социальных и культурных классификаций остаются в распоряжении у бывших солдат на долгие годы (Maringira 2015). Именно такое глубинное укоренение военных идентичностей и является источником проявления насилия бывшими комбатантами, а также проблем в процессе ресоциализации и социальной демилитаризации в гражданское общество (Walklate and McGarry 2019).

Специализированная подготовка в этом плане оказывается обрамляющей конструкцией, внутри которой происходит перековывание гражданского в солдата. В ходе этой подготовки затрагивается также и телесное измерение. Брайн Ланде с целью подчеркнуть важность телесного в анализе армейской социализации пишет, что «переплетение тел в социальных отношениях важно для объяснения того, как солдаты входят в свой социальный мир и становятся преданными ему. Пересекая порог между гражданским лицом и солдатом, тело не только приобретает новые значения (как «оружие», «транспортное средство» и «защитная броня») и ценность; оно воспринимается по-другому и, следовательно, меняет свою форму. Изменения формы того, что феноменологи называют «телесной схемой», влекут за собой добавление новых диспозиций, кинетических и сенсорных спо-

⁶ Однако социализация не всегда происходит с помощью насилия. В свете того, что большая часть литературы посвящена анализу социализации военнослужащих в границах учебного лагеря или казармы, а не реальных боевых действий (Checkel 2017), можно попытаться провести параллель с другими формами экстремальной социализации. Например, в большинстве исследований городских банд говорится об уличной социализации как процессе, порождающем насилие, хотя и не обязательно являющемся насильственным самим по себе (Vigil 2003:230). В этой связи, при анализе военной идентификации и групповой принадлежности не следует рассматривать их формирование как исключительно происходящее при содействии насилия, прививаемого с помощью инструментов расщепления «Я» в условиях тотального института (Soeters, Winslow, and Weibull 2006). Как было отмечено выше, военнослужащие часто гордятся своим опытом и бережно хранят различные объективированные элементы собственной службы, помогающие им реактуализировать в памяти военную идентичность.

собностей, меняющих сами основы социального взаимодействия и поведения» (Lande 2007:96).

Кеннет МакЛиш в ходе анализа историй американских ветеранов Ирака указывает, что телесное измерение военной службы остается с солдатом долгое время после увольнения. Выбор места в кафетерии, позволяющего следить за всем залом, удаленность от окон, панический страх громких звуков – все это укладывается в наблюдения МакЛиша за тем, что даже вне боевых действий телесные навыки солдат остаются в высокой степени мобилизации. Последняя достигается путем воспитания, контроля и культивирования тела, изнурительной работы по обязательной физической подготовке, маршировкой, подъемом тяжестей, бодрствованием в любое время дня и ночи и т. д. (MacLeish 2013). В конце концов, даже то, что в гражданской и обслуживающей вооруженные силы медицине именуется посттравматическим расстройством, для солдат предстает показателем нормального выполнения боевых задач, гарантом высокой эффективности их как боевых единиц. Умение быть инструментом агрессии и насилия в итоге оформляется в реверсивный милитаризм, в котором военнослужащий – не только тело – боевая единица, но и тело, поддающееся ранениям, увечьям и смерти. На поле боя, по мнению МакЛиша, нет никакой политики и государственных институтов, а есть только тела с оружием, в разгрузочных жилетах и шлемах. Важным в его исследованиях является то, что такие формы взаимодействия с насилем и агрессией распространяются как на тех, кто проходил срочную службу, так и на тех, кто становится ветераном боевых действий после участия в вооруженных конфликтах. И если в большинстве стран, как правило, Западной Европы, срочная служба отсутствует, то на Ближнем Востоке и в Африке объединенные коалиции принимают участие в боевых действиях. Кроме того, в ряде стран Европы при отсутствии срочной службы все еще остаются альтернативные формы получения военной квалификации с помощью зачисления в резерв. Таким образом, предлагаемая рамка идентификации актуальна не только для стран, в которых действует массовый срочный призыв, но и для любых государств, обладающих вооруженными силами.

Иными словами, процесс военной социализации, как замечает Девора Манекин со ссылкой на исследователей организации Джеймса Марча и Йохана Олсона, выстраивает «логику уместности», когда нормам следуют не просто из-за их предполагаемых последствий, но и потому, что они рассматриваются как естественные и легитимные (Manekin 2017). Естественность этих норм обеспечивается также материальными символами и ритуалами, регулярно подчеркивающими их присутствие в военной среде: военные истории, песни, шутки, обряды посвящения и даже одежда формируют общий набор убеждений и идентичностей (Burke 2004). Не в последнюю очередь сила военной идентификации объясняется тем, что она наслаивается на другую базовую идентификацию – маскулинность⁷.

⁷ Положение женщин в армии – это положение трансгендеров, которые могут индивидуально нарушать привычный гендерный порядок, при этом не дискредитируя господствующую ситуацию: они также интериоризируют военную маскулинность в особой форме, оставаясь в ситуации «между» (Enloe 2016; Pershing 2006; Sasson-Levy 2003).

Вооруженные силы не только направлены на «исправление» единичного военнослужащего, но и на формирование другого, не менее важного для государства явления, – нации. Вооруженные силы до недавнего времени были институтом, в котором формировалась единая нация полиэтнических государств – сначала Германии и Франции, затем – Австрии, а в XX веке – Финляндии, Китая и Югославии. Идея армии как условия гражданства может показаться оставшейся в эпохе великих империй, однако современные конфликты, в том числе на территории Европы, вновь актуализируют идею солдата-гражданина (Snyder 1999). Вооруженные силы приобщают к нации с помощью особого рода маскулинности, рассеивающейся между всеми военнослужащими, – единый опыт мужчин, прошедших военную службу, формирует нечто большее, чем профессиональная солидарность, но, напротив, дает новую самоидентификацию, остающуюся с солдатом надолго после его демобилизации. Многие югославские мужчины, прошедшие срочную службу в вооруженных силах, вспоминают это время как настоящее испытание, дающее им гордое право называться югославами (Dumančić 2022)⁸.

Таким образом, рассмотрение военнослужащих с позиции идентификации предоставляет исследователям новые пространства для анализа военных институтов. Во-первых, концепт идентификации позволяет изучать военнослужащих как более многогранные объекты. Профессиональная оптика сделала закономерный акцент либо на этосе вооруженных сил, либо на «гонке» административных позиций военнослужащих как внутри, так и вовне института вооруженных сил. Кроме того, идентификация добавляет в анализ военнослужащих несколько новых переменных – силу, агрессию и, шире, трансгрессию. Безусловно, профессиональная рамка рассматривала агрессию как отличительную особенность военной профессии, но лишь как организационный ресурс. При таком подходе остается упущенным важный аспект: в силу исключения рядовых военнослужащих из исследований неясным оставалось то, как последние интериоризируют практические военные навыки и когнитивные схемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выход за границы профессионализма к другим измерениям вооруженных сил и военной службы, в том числе с учетом более интерпретативных подходов к социальной идентификации, позволяет анализировать фундаментальную особенность военных институтов – насилие. Именно оно отличает вооруженные силы от других профессий, а попытки со стороны гражданского общества сделать вооружен-

⁸ Военная культура является маскулинной (Soeters et al. 2006), поэтому даже в армии Израиля, где служит больше всего женщин – почти треть, – военная культура пронизана ею. Доминирующая в ЦАХАЛе маскулинность отождествляется с мужественностью еврейского мужчины-солдата, участвующего в боевых действиях, и воспринимается как атрибут хорошего гражданина. В то же время женщины, проходящие военную службу на боевых позициях в вооруженных силах Израиля, структурируют свою гендерную и национальную идентичность в соответствии с такой маскулинностью боевого солдата (Kaplan 2022; Sasson-Levy 2002).

ные силы бюрократизированными и максимально удалить из них элемент управления насилием во многом объясняют эрозию профессионального подхода к изучению военных институтов (Libel 2019).

Последние, однако, не превращаются целиком в гражданские организации и все еще сохраняют значительную автономию в управлении насилием. Это особенно заметно в работах исследователей, демонстрирующих эволюцию и современное состояние компонента насилия в военной власти (Март 2013). Именно исследование работы насилия, его следов, проявляющихся в том числе в гражданской жизни тех, кто уже давно не связан с вооруженными силами, вынуждает искать новые оптики исследования военных институтов. Социология профессий, изучающая их организационную архитектуру, не только часто игнорирует насилие как конституирующий – и контагиозный элемент, – но и выводит из поля зрения существенное число задействованных в военных институтах людей (рядовых военнослужащих, унтер-офицеров, ветеранов и их семей). В данном обзоре было предложено одно из возможных решений – попытаться взглянуть на военные институты и военнослужащих с точки зрения их идентификации. Учет более широкого набора субъектов и проблем – как исследовательских, так и социальных – показывает, что милитаризм проникает в разнообразные социальные практики и институты, а взаимодействие с насилием оставляет следы. Травматичное и конфликтное, остающееся в человеке на десятки лет даже после годичного пребывания в качестве солдата срочной службы, – вот те грани вооруженных сил, которые должны быть описаны вне позиций профессии, особенно в контексте российских вооруженных сил в силу организационных особенностей, редко становившихся объектом беспристрастного социологического анализа (Образцов 2014).

Дальнейшие исследования, фокусирующиеся на изучении российских и постсоветских вооруженных сил и форм военной идентификации, должны учитывать ряд аспектов, которым в силу узкого фокуса не было уделено достаточного внимания в данном тексте. В частности, важным является нюансирование гендерных и расовых аспектов военной службы, секциональное взаимодействие различных самоидентификаций. Например, Советская Россия с первых дней своего существования начала перестройку гендерных режимов, касавшихся как политики, так и вооруженных сил, однако последующие военные конфликты плотно закрепили образ женщины как хранительницы очага в условиях, когда мужчина воюет (Ahlbäck 2016). Современные военные конфликты вновь актуализируют водораздел между, например, мобилизованным и ожидающей его дома женщиной. Другой зоной изучения современных вооруженных сил является технологизация войны. В ситуации новых массовых армий отношения между телом и техникой оказываются актуальным пространством для исследований. И, наконец, вооруженные силы в их отношении к расовым и этническим доменам также выступают ресурсом для исследователей – многоконфессиональные и полиэтнические массовые армии современного конфликта становятся тем, чем вооруженные силы давно не являются для, например, европейских стран – кузницей нации (Cole 2014).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брубейкер, Роджерс и Фредерик Купер. [2000] 2002. «За пределами “идентичности”». *Ab Imperio* 3:61–115.
- Калдор, Мэри. [2012] 2015. *Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Образцов, Иван. 2014. «Процесс институционализации военной социологии в России». *Социологические исследования* 7:134–145.
- Сакс, Майк. 2020. «Неоуберианство и профессии». *Социологические исследования* 6:28–41.
- Abrams, Philip. 1965. “The Late Profession of Arms: Ambiguous Goals and Deteriorating Means in Britain.” *European Journal of Sociology* 6(2):238–261.
- Ahlbäck, Anders. 2016. *Manhood and the Making of the Military: Conscript, Military Service and Masculinity in Finland, 1917–1939*. London: Routledge.
- Arkin, William, and Lynne R. Dobrofsky. 1978. “Military Socialization and Masculinity.” *Journal of Social Issues* 34(1):151–168.
- Bartone, Paul T., and Morten G. Ender. 1994. “Organizational Responses to Death in the Military.” *Death Studies* 18(1):25–39. <https://doi.org/10.1080/07481189408252641>.
- Baucom, Donald R. 1985. “The Professional Soldier and the Warrior Spirit.” *Strategic Review* 13(4):1–58.
- Becker, Howard S. 2017. “The Nature of a Profession.” Pp. 87–104 in *Sociological Work: Method and Substance*, edited by Fanny Ginor. New York: Routledge.
- Ben-Ari, Eyal. 2005. “Epilogue: A ‘Good’ Military Death.” *Armed Forces & Society* 31(4):651–664.
- Ben-Ari, Eyal. 2022. *Mastering Soldiers: Conflict, Emotions, and the Enemy in an Israeli Army Unit*. New York: Berghahn Books.
- Berger, Peter L. 1990. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New York: Anchor.
- Bradford, Zeb B., and James R. Murphy. 1990. *A New Look at the Military Profession: American Defense Policy*. 4th ed. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Brown, Patricia Leigh. 2013. “Trauma Sets Female Veterans Adrift Back Home.” *New York Times*, February 27. <https://www.nytimes.com/2013/02/28/us/female-veterans-face-limbo-in-lives-on-the-street.html>.
- Burke, Carol. 2004. *Camp All-American, Hanoi Jane, and the High-and-Tight: Gender, Folklore, and Changing Military Culture*. Boston: Beacon Press.
- Cerulo, Karen A. 1997. “Identity Construction: New Issues, New Directions.” *Annual Review of Sociology* 23(1):385–409. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.385>.
- Checkel, Jeffrey T. 2017. “Socialization and Violence: Introduction and Framework.” *Journal of Peace Research* 54(5):592–605. <https://doi.org/10.1177/0022343317721813>.
- Cogan, Morris L. 1955. “The Problem of Defining a Profession.” *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 297(1):105–111.
- Cole, Laurence. 2014. *Military Culture and Popular Patriotism in Late Imperial Austria*. New York: Oxford University Press.
- Downes, Cathy J. 1985. “To Be or Not to Be a Profession: The Military Case.” *Defense Analysis* 1(3):147–171.
- Dumančić, Marko. 2022. “He Who Does Not Serve Is Not Fit for a Wife: The Problems of Military Service and Late Socialist Masculinity in 1980s Yugoslavia.” *Soviet and Post-Soviet Review* 50(1):91–118. <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10074>.
- Dursa, Erin K., Matthew J. Reinhard, Shannon K. Barth, and Aaron I. Schneiderman. 2014. “Prevalence of a Positive Screen for PTSD among OEF/OIF and OEF/OIF-Era Veterans in a Large Population-Based Cohort.” *Journal of Traumatic Stress* 27(5):542–549. <https://doi.org/10.1002/jts.21956>.
- Enloe, Cynthia. 2016. *Globalization and Militarism: Feminists Make the Link*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

- Ertola Navajas, Gabriela, Paula A. López Villalba, Martín A. Rossi, and Antonia Vazquez. 2022. "The Long-Term Effect of Military Conscription on Personality and Beliefs." *Review of Economics and Statistics* 104(1):133–141. https://doi.org/10.1162/rest_a_00930.
- Flexner, Abraham. [1915] 2001. "Is Social Work a Profession?" *Research on Social Work Practice* 11(2):152–165.
- Freud, Sigmund. 1963. "Why War?" Pp. 134–147 in *Character and Culture*, edited by Philip Rieff. New York: Collier.
- Ginsburgh, Robert N. 1964. "The Challenge to Military Professionalism." *Foreign Affairs* 42(2):255–268.
- Haitiner, Karl, and Gerhard Kümmel. 2009. "The Hybrid Soldier: Identity Changes in the Military." Pp. 75–82 in *Armed Forces, Soldiers and Civil-Military Relations: Essays in Honor of Jürgen Kuhlmann*, edited by Gerhard Kümmel, Giuseppe Caforio, and Christopher Dandeker. New York: Springer.
- Harries-Jenkins, Gwyn. 1990. "The Concept of Military Professionalism." *Defense Analysis* 6(2):117–130.
- Huntington, Samuel P. 1957. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Huntington, Samuel P. 1981. *American Politics: The Promise of Disharmony*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Janowitz, Morris. [1965] 2017. *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*. New York: Simon & Schuster.
- Jones, Norman, Margaret Jones, Neil Greenberg, Ava Phillips, Amos Simms, and Simon Wessely. 2020. "UK Military Women: Mental Health, Military Service and Occupational Adjustment." *Occupational Medicine* 70(4):235–242. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqaa019>.
- Kamrava, Mehran. 2000. "Military Professionalization and Civil-Military Relations in the Middle East." *Political Science Quarterly* 115(1):67–92. <https://doi.org/10.2307/2658034>.
- Kaplan, Danny. 2022. *The Men We Loved: Male Friendship and Nationalism in Israeli Culture*. New York: Berghahn Books.
- Lande, Brian. 2007. "Breathing like a Soldier: Culture Incarnate." *Sociological Review* 55(1 suppl.):95–108. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2007.00695.x>.
- Larson, Arthur D. 1974. "Military Professionalism and Civil Control: A Comparative Analysis of Two Interpretations." *Journal of Political & Military Sociology* 2(1):57–72.
- Libel, Tamir. 2013. "From the People's Army to the Jewish People's Army: The IDF's Force Structure between Professionalization and Militarization." *Defense & Security Analysis* 29(4):280–292. <https://doi.org/10.1080/14751798.2013.842708>.
- Libel, Tamir. 2016. *European Military Culture and Security Governance: Soldiers, Scholars and National Defense Universities*. London: Routledge.
- Libel, Tamir. 2019. "From the Sociology of the (Military) Profession to the Sociology of (Security) Expertise: The Case of European National Defence Universities." *Defence Studies* 19(1):62–84. <https://doi.org/10.1080/14702436.2018.1562910>.
- Libel, Tamir, and Reuven Gal. 2015. "Between Military-Society and Religion-Military Relations: Different Aspects of the Growing Religiosity in the Israeli Defense Forces." *Defense & Security Analysis* 31(3):213–227. <https://doi.org/10.1080/14751798.2015.1056938>.
- MacLeish, Kenneth T. 2013. *Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- MacLeish, Kenneth T. 2020. "Churn: Mobilization-Demobilization and the Fungibility of American Military Life." *Security Dialogue* 51(2–3):194–210. <https://doi.org/10.1177/0967010619889469>.
- Malešević, Siniša. 2017. "The Organisation of Military Violence in the 21st Century." *Organization* 24(4):456–474. <https://doi.org/10.1177/1350508417693854>.
- Manekin, Devorah. 2017. "The Limits of Socialization and the Underproduction of Military Violence: Evidence from the IDF." *Journal of Peace Research* 54(5):606–619. <https://doi.org/10.1177/0022343317713558>.
- Mann, Michael. 2013. *The Sources of Social Power*. Vol. 4, *Globalisations, 1945–2011*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Maringira, Godfrey. 2015. "Militarised Minds: The Lives of Ex-combatants in South Africa." *Sociology* 49(1):72–87. <https://doi.org/10.1177/0038038514523698>.
- Moskos, Charles C. 1981. "Institution versus Occupation: Contrasting Models of Military Organization." Paper delivered at the International Security Studies Program, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, DC, March 19.
- Newby, John H., Robert J. Ursano, James E. McCarroll, Xian Liu, Carol S. Fullerton, and Ann E. Norwood. 2005. "Postdeployment Domestic Violence by US Army Soldiers." *Military Medicine* 170(8):643–647.
- Nuciari, Marina. 2018. "The Study of the Military: Models for the Military Profession." Pp. 35–60 in *Handbook of the Sociology of the Military*, edited by Giuseppe Caforio and Marina Nuciari. New York: Springer.
- Parkin, Frank. 2019. "Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique." Pp. 162–177 in *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, edited by David Grusky. New York: Routledge.
- Paterson, Pat. 2019. "Measuring Military Professionalism in Partner Nations: Guidance for Security Assistance Officials." *Journal of Military Ethics* 18(2):145–163. <https://doi.org/10.1080/15027570.2019.1638461>.
- Pershing, Jana L. 2006. "Men and Women's Experiences with Hazing in A Male-Dominated Elite Military Institution." *Men and Masculinities* 8(4):470–492.
- Saks, Mike. 2015. "Health Policy and Complementary and Alternative Medicine." Pp. 494–509 in *The Palgrave International Handbook of Healthcare Policy and Governance*, edited by Ellen Kuhlmann, Robert H. Blank, Ivy Lynn Bourgeault, and Claus Wendt. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Saks, Mike. 2016. "Professions and Power." Pp. 71–85 in *The Routledge Companion to the Professions and Professionalism*, edited by Mike Dent, Ivy Lynn Bourgeault, Jean-Louis Dennis, and Ellen Kuhlmann. Abingdon, UK: Routledge.
- Samimian-Darash, Limor. 2013. "Rebuilding the Body through Violence and Control." *Ethnography* 14(1):46–63. <https://doi.org/10.1177/1466138112448026>.
- Sasson-Levy, Orna. 2002. "Constructing Identities at the Margins: Masculinities and Citizenship in the Israeli Army." *Sociological Quarterly* 43(3):357–383.
- Sasson-Levy, Orna. 2003. "Feminism and Military Gender Practices: Israeli Women Soldiers in 'Masculine' Roles." *Sociological Inquiry* 73(3):440–465. <https://doi.org/10.1111/1475-682X.00064>.
- Snider, Don M., and Leonard G. Watkins. 2002. "Introduction." Pp. 3–18 in *The Future of the Army Profession*, edited by Don M. Snider, Gayle L. Watkins, and Lloyd J. Mathews. Boston: McGraw-Hill.
- Snyder, Claire R. 1999. *Citizen-Soldier and Manly Warriors: Military Service and Gender in the Civic Republic Tradition*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Soeters, Joseph L., Donna J. Winslow, and Alise Weibull. 2006. "Military Culture." Pp. 237–254 in *Handbook of the Sociology of the Military*, edited by Giuseppe Caforio and Marina Nuciari. New York: Springer.
- Tonkens, Evelien. 2016. "Professions, Service Users and Citizenship: Deliberation, Choice and Responsibility." Pp. 45–56 in *The Routledge Companion to the Professions and Professionalism*, edited by Mike Dent, Ivy Lynn Bourgeault, Jean-Louis Denis, and Ellen Kuhlmann. London: Routledge.
- US Army TRADOC (US Army Training and Doctrine Command). 2010. *An Army White Paper: The Profession of Arms*. Washington, DC. <https://www.milsci.ucsb.edu/sites/default/files/sitefiles/resources/The%20Profession%20of%20Arms.pdf>.
- Vigil, James D. 2003. "Urban Violence and Street Gangs." *Annual Review of Anthropology* 32(1):225–242.
- Walklate, Sandra, and Ross McGarry, eds. 2019. *A Criminology of War? Transgressing the Borders*. Bristol, UK: Policy Press.
- Williams, Robin M. 1989. "The American Soldier: An Assessment, Several Wars Later." *The Opinion Quarterly* 53(2):155–174.
- Woodward, Rachel. 2000. "Warrior Heroes and Little Green Men: Soldiers, Military Training, and the Construction of Rural Masculinities." *Rural Sociology* 65(4):640–657. <https://doi.org/10.1111/j.1549-0831.2000.tb00048.x>.
- Woodward, Rachel, and K. Neil Jenkins. 2011. "Military Identities in the Situated Accounts of British Military Personnel." *Sociology* 45(2):252–268. <https://doi.org/10.1177/0038038510394016>.

IDENTIFICATION AND PROFESSIONALIZATION: TWO OPTICS OF SOCIOLOGICAL CONSIDERATION OF MILITARY PERSONNEL

Sergey Startsev

Sergey Startsev, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. sstartsev@hse.ru.

The author expresses gratitude to Elena Rozhdestvenskaya, colleagues who participated in the seminar of the research group “Experience of Local Conflicts,” and Mikhail Maltsev (HSE University), Alexey Ryzhkov (HSE University), and Maria Vorobeva (Catholic University of Leuven) for useful comments and ideas for this review article. The author especially thanks the reviewers and editors of the journal who provided valuable comments on the text. The article is based on the results of the work of the research group “Experience of Local Conflicts: Processing, Resocialization, Disability,” with the support of the Faculty of Social Sciences of the Higher School of Economics (2023–2024).

This review article examines the factual and theoretical differences between rank-and-file military personnel and the military establishment and critically describes possible approaches that are used in analyzing military groups and institutions. It demonstrates that the theoretical framework of occupational group studies of military institutions fails to encompass a number of important elements of military reality—the rank-and-file soldiers and junior officers. The article argues that military as a pursuit and military as a profession do not always overlap. It considers identitarian sociology as an analytical resource for the conceptualization of ordinary soldiers and junior officers. However, borrowing from Rogers Brubaker, it then presents a number of arguments to demonstrate that the use of the concepts of identity sociology is essentially counterproductive, since the unsystematic and private use of the idea of “identity” only makes it more difficult to understand the differences and similarities between ordinary soldiers and the military establishment. In the conclusion some studies are presented that consider such distinctions and commonalities in order to identify the key to “military identity” and thus to gradate and nuance the military service person as a professional and the military as a mode of (self-)identification.

Keywords: Militarism Studies; Military Identity; Identitarian Sociology; Studies of the Army and Society

REFERENCES

- Abrams, Philip. 1965. “The Late Profession of Arms: Ambiguous Goals and Deteriorating Means in Britain.” *European Journal of Sociology* 6(2):238–261.
- Ahlbäck, Anders. 2016. *Manhood and the Making of the Military: Conscription, Military Service and Masculinity in Finland, 1917–1939*. London: Routledge.

- Arkin, William, and Lynne R. Dobrofsky. 1978. "Military Socialization and Masculinity." *Journal of Social Issues* 34(1):151–168.
- Bartone, Paul T., and Morten G. Ender. 1994. "Organizational Responses to Death in the Military." *Death Studies* 18(1):25–39. <https://doi.org/10.1080/07481189408252641>.
- Baucom, Donald R. 1985. "The Professional Soldier and the Warrior Spirit." *Strategic Review* 13(4):1–58.
- Becker, Howard S. 2017. "The Nature of a Profession." Pp. 87–104 in *Sociological Work: Method and Substance*, edited by Fanny Ginor. New York: Routledge.
- Ben-Ari, Eyal. 2005. "Epilogue: A 'Good' Military Death." *Armed Forces & Society* 31(4):651–664.
- Ben-Ari, Eyal. 2022. *Mastering Soldiers: Conflict, Emotions, and the Enemy in an Israeli Army Unit*. New York: Berghahn Books.
- Berger, Peter L. 1990. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New York: Anchor.
- Bradford, Zeb B., and James R. Murphy. 1990. *A New Look at the Military Profession: American Defense Policy*. 4th ed. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Brown, Patricia Leigh. 2013. "Trauma Sets Female Veterans Adrift Back Home." *New York Times*, February 27. <https://www.nytimes.com/2013/02/28/us/female-veterans-face-limbo-in-lives-on-the-street.html>.
- Brubaker, Rogers, and Frederick Cooper. [2000] 2002. "Za predelami 'identichnosti.'" *Ab Imperio* 3:61–115.
- Burke, Carol. 2004. *Camp All-American, Hanoi Jane, and the High-and-Tight: Gender, Folklore, and Changing Military Culture*. Boston: Beacon Press.
- Cerulo, Karen A. 1997. "Identity Construction: New Issues, New Directions." *Annual Review of Sociology* 23(1):385–409. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.385>.
- Checkel, Jeffrey T. 2017. "Socialization and Violence: Introduction and Framework." *Journal of Peace Research* 54(5):592–605. <https://doi.org/10.1177/0022343317721813>.
- Cogan, Morris L. 1955. "The Problem of Defining a Profession." *Annals of the American Academy of Political and Social Science* 297(1):105–111.
- Cole, Laurence. 2014. *Military Culture and Popular Patriotism in Late Imperial Austria*. New York: Oxford University Press.
- Downes, Cathy J. 1985. "To Be or Not to Be a Profession: The Military Case." *Defense Analysis* 1(3):147–171.
- Dumančić, Marko. 2022. "He Who Does Not Serve Is Not Fit for a Wife: The Problems of Military Service and Late Socialist Masculinity in 1980s Yugoslavia." *Soviet and Post-Soviet Review* 50(1):91–118. <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10074>.
- Dursa, Erin K., Matthew J. Reinhard, Shannon K. Barth, and Aaron I. Schneiderman. 2014. "Prevalence of a Positive Screen for PTSD among OEF/OIF and OEF/OIF-Era Veterans in a Large Population-Based Cohort." *Journal of Traumatic Stress* 27(5):542–549. <https://doi.org/10.1002/jts.21956>.
- Enloe, Cynthia. 2016. *Globalization and Militarism: Feminists Make the Link*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Ertola Navajas, Gabriela, Paula A. López Villalba, Martín A. Rossi, and Antonia Vazquez. 2022. "The Long-Term Effect of Military Conscription on Personality and Beliefs." *Review of Economics and Statistics* 104(1):133–141. https://doi.org/10.1162/rest_a_00930.
- Flexner, Abraham. [1915] 2001. "Is Social Work a Profession?" *Research on Social Work Practice* 11(2):152–165.
- Freud, Sigmund. 1963. "Why War?" Pp. 134–147 in *Character and Culture*, edited by Philip Rieff. New York: Collier.
- Ginsburgh, Robert N. 1964. "The Challenge to Military Professionalism." *Foreign Affairs* 42(2):255–268.
- Haitiner, Karl, and Gerhard Kümmel. 2009. "The Hybrid Soldier: Identity Changes in the Military." Pp. 75–82 in *Armed Forces, Soldiers and Civil-Military Relations: Essays in Honor of Jürgen Kuhlmann*, edited by Gerhard Kümmel, Giuseppe Caforio, and Christopher Dandeker. New York: Springer.

- Harries-Jenkins, Gwyn. 1990. "The Concept of Military Professionalism." *Defense Analysis* 6(2):117–130.
- Huntington, Samuel P. 1957. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Huntington, Samuel P. 1981. *American Politics: The Promise of Disharmony*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Janowitz, Morris. [1965] 2017. *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*. New York: Simon & Schuster.
- Jones, Norman, Margaret Jones, Neil Greenberg, Ava Phillips, Amos Simms, and Simon Wessely. 2020. "UK Military Women: Mental Health, Military Service and Occupational Adjustment." *Occupational Medicine* 70(4):235–242. <https://doi.org/10.1093/occmed/kqaa019>.
- Kaldor, Mary. [2012] 2015. *Novye i starye voyny: Organizovannoe nasilie v global'nuu epokhu*. Moscow: Gaidar Institute Press.
- Kamrava, Mehran. 2000. "Military Professionalization and Civil-Military Relations in the Middle East." *Political Science Quarterly* 115(1):67–92. <https://doi.org/10.2307/2658034>.
- Kaplan, Danny. 2022. *The Men We Loved: Male Friendship and Nationalism in Israeli Culture*. New York: Berghahn Books.
- Lande, Brian. 2007. "Breathing like a Soldier: Culture Incarnate." *Sociological Review* 55(1 suppl.):95–108. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2007.00695.x>.
- Larson, Arthur D. 1974. "Military Professionalism and Civil Control: A Comparative Analysis of Two Interpretations." *Journal of Political & Military Sociology* 2(1):57–72.
- Libel, Tamir. 2013. "From the People's Army to the Jewish People's Army: The IDF's Force Structure between Professionalization and Militarization." *Defense & Security Analysis* 29(4):280–292. <https://doi.org/10.1080/14751798.2013.842708>.
- Libel, Tamir. 2016. *European Military Culture and Security Governance: Soldiers, Scholars and National Defense Universities*. London: Routledge.
- Libel, Tamir. 2019. "From the Sociology of the (Military) Profession to the Sociology of (Security) Expertise: The Case of European National Defence Universities." *Defence Studies* 19(1):62–84. <https://doi.org/10.1080/14702436.2018.1562910>.
- Libel, Tamir, and Reuven Gal. 2015. "Between Military-Society and Religion-Military Relations: Different Aspects of the Growing Religiosity in the Israeli Defense Forces." *Defense & Security Analysis* 31(3):213–227. <https://doi.org/10.1080/14751798.2015.1056938>.
- MacLeish, Kenneth T. 2013. *Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- MacLeish, Kenneth T. 2020. "Churn: Mobilization-Demobilization and the Fungibility of American Military Life." *Security Dialogue* 51(2–3):194–210. <https://doi.org/10.1177/0967010619889469>.
- Malešević, Siniša. 2017. "The Organisation of Military Violence in the 21st Century." *Organization* 24(4):456–474. <https://doi.org/10.1177/1350508417693854>.
- Manekin, Devorah. 2017. "The Limits of Socialization and the Underproduction of Military Violence: Evidence from the IDF." *Journal of Peace Research* 54(5):606–619. <https://doi.org/10.1177/0022343317713558>.
- Mann, Michael. 2013. *The Sources of Social Power*. Vol. 4, *Globalisations, 1945–2011*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maringira, Godfrey. 2015. "Militarised Minds: The Lives of Ex-combatants in South Africa." *Sociology* 49(1):72–87. <https://doi.org/10.1177/0038038514523698>.
- Moskos, Charles C. 1981. "Institution versus Occupation: Contrasting Models of Military Organization." Paper delivered at the International Security Studies Program, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, DC, March 19.
- Newby, John H., Robert J. Ursano, James E. McCarroll, Xian Liu, Carol S. Fullerton, and Ann E. Norwood. 2005. "Postdeployment Domestic Violence by US Army Soldiers." *Military Medicine* 170(8):643–647.
- Nuciari, Marina. 2018. "The Study of the Military: Models for the Military Profession." Pp. 35–60 in *Handbook of the Sociology of the Military*, edited by Giuseppe Caforio and Marina Nuciari. New York: Springer.

- Obraztsov, Ivan. 2014. "Protsess institutsionalizatsii voennoi sotsiologii v Rossii." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7:134–145.
- Parkin, Frank. 2019. "Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique." Pp. 162–177 in *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, edited by David Grusky. New York: Routledge.
- Paterson, Pat. 2019. "Measuring Military Professionalism in Partner Nations: Guidance for Security Assistance Officials." *Journal of Military Ethics* 18(2):145–163. <https://doi.org/10.1080/15027570.2019.1638461>.
- Pershing, Jana L. 2006. "Men and Women's Experiences with Hazing in A Male-Dominated Elite Military Institution." *Men and Masculinities* 8(4):470–492.
- Saks, Mike. 2015. "Health Policy and Complementary and Alternative Medicine." Pp. 494–509 in *The Palgrave International Handbook of Healthcare Policy and Governance*, edited by Ellen Kuhlmann, Robert H. Blank, Ivy Lynn Bourgeault, and Claus Wendt. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Saks, Mike. 2016. "Professions and Power." Pp. 71–85 in *The Routledge Companion to the Professions and Professionalism*, edited by Mike Dent, Ivy Lynn Bourgeault, Jean-Louis Dennis, and Ellen Kuhlmann. Abingdon, UK: Routledge.
- Saks, Mike. 2020. "Neoveberianstvo i professii." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 6:28–41.
- Samimian-Darash, Limor. 2013. "Rebuilding the Body through Violence and Control." *Ethnography* 14(1):46–63. <https://doi.org/10.1177/1466138112448026>.
- Sasson-Levy, Orna. 2002. "Constructing Identities at the Margins: Masculinities and Citizenship in the Israeli Army." *Sociological Quarterly* 43(3):357–383.
- Sasson-Levy, Orna. 2003. "Feminism and Military Gender Practices: Israeli Women Soldiers in 'Masculine' Roles." *Sociological Inquiry* 73(3):440–465. <https://doi.org/10.1111/1475-682X.00064>.
- Snider, Don M., and Leonard G. Watkins. 2002. "Introduction." Pp. 3–18 in *The Future of the Army Profession*, edited by Don M. Snider, Gayle L. Watkins, and Lloyd J. Mathews. Boston: McGraw-Hill.
- Snyder, Claire R. 1999. *Citizen-Soldier and Manly Warriors: Military Service and Gender in the Civic Republic Tradition*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Soeters, Joseph L., Donna J. Winslow, and Alise Weibull. 2006. "Military Culture." Pp. 237–254 in *Handbook of the Sociology of the Military*, edited by Giuseppe Caforio and Marina Nuciari. New York: Springer.
- Tonkens, Evelien. 2016. "Professions, Service Users and Citizenship: Deliberation, Choice and Responsibility." Pp. 45–56 in *The Routledge Companion to the Professions and Professionalism*, edited by Mike Dent, Ivy Lynn Bourgeault, Jean-Louis Denis, and Ellen Kuhlmann. London: Routledge.
- US Army TRADOC (US Army Training and Doctrine Command). 2010. *An Army White Paper: The Profession of Arms*. Washington, DC. <https://www.milsci.ucsb.edu/sites/default/files/sitefiles/resources/The%20Profession%20of%20Arms.pdf>.
- Vigil, James D. 2003. "Urban Violence and Street Gangs." *Annual Review of Anthropology* 32(1):225–242.
- Walklate, Sandra, and Ross McGarry, eds. 2019. *A Criminology of War? Transgressing the Borders*. Bristol, UK: Policy Press.
- Williams, Robin M. 1989. "The American Soldier: An Assessment, Several Wars Later." *The Opinion Quarterly* 53(2):155–174.
- Woodward, Rachel. 2000. "Warrior Heroes and Little Green Men: Soldiers, Military Training, and the Construction of Rural Masculinities." *Rural Sociology* 65(4):640–657. <https://doi.org/10.1111/j.1549-0831.2000.tb00048.x>.
- Woodward, Rachel, and K. Neil Jenkins. 2011. "Military Identities in the Situated Accounts of British Military Personnel." *Sociology* 45(2):252–268. <https://doi.org/10.1177/0038038510394016>.